

ПРЕДИСЛОВИЕ

«...два уголка плафона огромного зала тоже были расписаны Джандоменико. Правый—гениальный совсем, но видно это только в бинокль, а фотографии получаются дурацкими, темно и высоко...»

Так приблизительно будут описаны все чудеса итальянской живописи в путевых заметках Татьяны Нешумовой. Видимо, больше и подробнее писать было некогда. Часто нам сообщат только огромные списки, ежедневные реестры увиденного—где, когда, при каких обстоятельствах. Мне—без преувеличения—просто страшно представить, сколько всего автор «Шестиногой собачки» успела увидеть в итальянских городах, сколько путей и улиц исходила, как добиралась до того, что задумала посмотреть... От одного списка имен и картин голова идет кругом. Можно назвать такую погоню за живописью авантюрой или героическим подвигом, но легкость письма и воздух восторга, которым все в этой прозе наполнено, делают мысль об аванюре или героизме неуместной. Татьяна Нешумова вписала свою историю в огромную книгу, которая складывается уже не один век и которую можно назвать «Русское счастье в Италии». Я сама принадлежу к тем, для кого жизнь постепенно стала невыносимой без итальянского счастья. И я рада встретиться с ним в «Шестиногой собачке». Знакомые—трудно не сказать: родные—места (итальянские любимые города просто вынуждают тебя назвать их родными) и их жители. Явления живых итальянцев на этих страницах, обычно мимолетные, по ходу дела, прекрасно дают попробовать это особое, я бы сказала, приподнимающее общение, которое дарит человеку Италия, если ты хотя бы с горем пополам можешь обменяться с ними парой слов. И в Италии, где давно нет новых донателло и новых рафаэлей, ты можешь

догадаться, из какой почвы выросли все эти чудеса живописи, скульптуры, зодчества, музыки, словесности, ради которых в Италию съезжаются миллионы туристов (кстати, сами итальянцы на туристов, к моему удивлению, не сердятся; ворчат обычно русские — как им хотелось бы остаться наедине с памятниками «без этих туристов»!). Вся эта великолепная сверхизобильная артистическая продукция вскормлена почвой особой итальянской человечности. Талантливой на каждом месте: и на месте любимого Нешумовой Тьеполо, и на месте продавца мороженого, который вовремя предложит тебе помочь. Из того, что итальянцы обозначают непереводаемым словом *allegria* и таким же большим словом *fiesta*. Можно перевести: это «веселость» и это «праздник», но что такое и первое, и второе, можно понять, только если пожить в Италии среди ее людей.

Посещения, набег, поездки, дорожные встречи — то, что описано в книге, — вещи заведомо временные. Для кого-то это был бы, как сказано здесь, «поверхностный туризм». Но, как мы узнаем из рассказа, в Италии и благодаря Италии происходят важнейшие перемены в судьбе повествователя. С этого все начинается: с сообщения о том, что филолог и поэт оказывается художником. По ходу рассказа мы узнаем, как, собственно, это случилось.

Рисунки составляют душу этого рассказа. О них я говорить не буду. Замечу одно: в них есть эта итальянская *allegria*, которой в России не хватает, как авсонийского солнца.

Ольга Седакова

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я была поэтом и филологом, а теперь я художник. Не знаю, смогу ли я написать эту книгу, потому что не знаю, не обиделись ли слова на меня. Проверим.

Я хочу рассказать о том, как я стала путешественником по Италии и как это сделало меня художником.

17 декабря 2013 года умер Гриша Дашевский, сиротство накрыло меня в первый раз в жизни с головой, и я перестала ходить на литературные вечера.

Новый год мы встречали дома одни. Январь протащился, как серая кобылка с дровнями, скушно, по-саврасовски. Но в феврале 2014 года у Миши Айзенберга вышла новая книга: билингва. На русском и итальянском языках. Мишу хотелось повидать, хотелось послушать его стихи. И вот я сижу в Даче на Покровке, выступает Солоневич, Миша читает, Юлик Гуголев в зале повторяет какие-то итальянские слова, а я сижу и думаю: «Ну вот, скоро помирать, а я так и не выучила итальянский язык». И потихоньку после этого вечера стала его учить, ходила с курсом «Итальянский по методу Пимслера» по улицам (однажды даже не заметила контролеров в метро, а шла с Ваниным пенсионным, и мне выписали штраф в тысячу рублей). Это курс для самых тугоплавких, типа меня, когда сто раз занудно повторяют одни и те же выражения, и потихоньку они запоминаются.

И как-то так получилось, что в конце марта мы поехали в Рим и Флоренцию, чтобы отметить там Ванин день рождения.

До этого я была в Италии десять дней, в 2004 году. Мы встретились с Машей Герус, подружкой моей юности, в Милане (она прилетела туда из Бостона, где живет с начала 90-х, это была наша первая встреча после десятилетней

разлуки—я писала тогда в стихках: «тридцатипятилетние люди могут встречу друг другу назначить и не на земле»). Через Флоренцию и Рим добрались до Сорренто, побывали на Капри, вернулись в Рим и разлетелись к детям. Эту поездку я буду вспоминать в этой книге где придется, а последовательно рассказывать о тех, что начались после смерти Гриши. Всю Италию я почему-то воспринимаю как подарок от него. Даже не могу объяснить, какая тут логика. Может быть, потому что Катулл и Проперций—это Гриша? Может быть, и на виллу Адриана мы поехали потому, что это тоже был Гриша?

*Душа моя шаткая, ласковая,
тела и гостя и спутница,
в какие места отправляешься,
застылая, бледная, голая,
и не пошутить, как любишь?*

Ну вот, а теперь—по порядку.

2015 ИЮНЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Дети договорились между собой и купили мне билеты на самолет: Москва—Рим с пересадкой в Стокгольме и Венеция—Москва с пересадкой (18 часов) в Копенгагене. Маршрут я придумала сама, заказав самые дешевые ночлеги по дороге: Рим—Ареццо—Болонья—Падуа—Равенна—Венеция.

1 июня

Начало путешествия: на Курской кольцевой ждали поезда минут шесть, вагон был переполнен. Не люблю этих растянутых метропауз, тревожных и зловещих. Но—обобщилось: иногда бывает и так: длинная пауза, не означающая ничего. По пути в аэропорт из аэроэкспресса я позвонила Льву Михайловичу Турчинскому и рассказывала ему о работе над архипповской книжкой. Он, уже прочитавший половину моего предисловия к ней, как и Ваня, ругал меня за длинную, в полторы страницы, цитату об Эрне из архипповских воспоминаний, вставленную в статью (а я говорила: нет, пусть останется, это для тех читателей, которые не читают всей книги, а ограничатся чтением вступительной статьи).

В Шереметьево выяснилось, что рейс SAS прилетел с опозданием и вылетит не в 15:15, а в 16. Это означало, что в Стокгольме я на свой рейс не успеваю. Меня заверили, что беспокоиться не о чем: раз оба колена перелета sas'овские, то они сами придумают мой новый маршрут. Чтобы попасть к ночи в Рим, пришлось лететь из Стокгольма во Франкфурт (SAS сотрудничает с «Люфтганзой»). В Шереметьеве у меня образовался лишний час, книжку о Сезанне, переведенную еще в начале 1930-х, единственную, карманного формата, которую я взяла с собой, читать очень быстро надоело, пришлось погулять вдоль Duty Free, ужаснуться

автомату по продаже маек: одна другой страшнее, как униформа для кругов ада, с возрастающим хоррором.

Смешно, стюардесса продиктовала мне на борту самолета в Стокгольме номера пересадочных рейсов, которые я записала на бумажке (пробнике духов, другой не нашлось), а время второго полета она не уточнила. Так эту бумажку я и предъявляла дальше в качестве своего билета. Когда я сошла во Франкфурте, работница аэропорта сказала мне, что мой рейс уже очень скоро и вылетает из противоположного сектора. Поэтому мне пришлось пробежать по франкфуртскому аэропорту примерно два километра по движущимся дорожкам из сектора А в сектор В, гейт 6. Лифт у гейта не работал, поэтому после этого кросса со своим восьмикилограммовым рюкзаком я опять бежала пять пролетов лестницы вверх. А еще вчера в Москве лежала почти весь день с больным сердцем... Вылет в 21:10. Лететь полтора часа. Это означает, что без такси из Фьюмичино мне в Рим не добраться, так как автобусы и электрички уже перестанут ходить.

Стокгольма, как мне мечталось, я не видела вовсе: аэропорт стоит в лесу. Зато потом сразу — очень много очень красивых озер. Облака с просветами сияющей под предзакатным солнцем воды, такое небо, на которое и надо смотреть, а иначе — зачем живем? «Вы не можете вообразить того, что после смерти», а если не небо и облака — что это? как об этом и думать... Думала: «Эх, была бы я Елена Шварц, уж нашла бы для этих облаков слова». Но я — это я.

Потом возник Франкфурт. Видно, что огромный, с небоскребами, трубами и удивительным треугольным домом, занимающим целый квартал. А после города вдруг начались красивейшие леса. Густого зеленого цвета, такого, какой любил Дерен. Желтая сухая ровная трава — эти деревья, темно-изумрудные кроны и коричневые стволы — и хмурое серое небо — удивительный колорит аэропорта Франкфурта. Ну а коридор с движущимися лестницами теперь будет мне сниться в безвыходных снах.

В стоковольмском зале ожидания поразила меня одна немолодая дама, попросившая меня посмотреть за ее вещами, пока она ходит в туалет. Зона нормального человеческого доверия, об атмосфере которого как-то забываешь, живя в России.

По дороге во Франкфурт решила всему радоваться и воспринимать как приключение. Когда еще я полетаю дорогой «Люфтганзой» с большими расстояниями между креслами, бесплатной едой и вином (которые были очень кстати)? Я разговорилась с немкой, занимавшей ближайшее ко мне кресло. Выяснилось, что в Риме мы останавливаемся в соседних районах, обсудили возможность взять одно такси на двоих, но не сбылось: римские таксисты наотрез отказывались сажать в одну машину пассажиров с разными адресами. Пришлось ехать одной и болтать с шофером (я радовалась возможности попрактиковать свой еще очень беспомощный итальянский): обсуждали, какой папа лучше: нынешний или Иоанн Павел II. Мнения наши разделились, и пришлось даже немного поспорить... Конец дороги в Трастевере, славящемся кривыми улочками, я отлично помнила и показывала своему таксисту, как правильно ехать, потому что год назад уже останавливалась в том же прекрасном хостеле «Орса Маджоре». Рассматривая гугл-карту еще в Москве, я выяснила, что он стоит на той же улице Сан-Франческо ди Салес, что и римская тюрьма, устроенная, видимо, в бывшем монастыре. За тюремной стеной (а мне так нравилось год назад вдоль нее ходить, наблюдать, как плющ и жасмин раскинулись вдоль старинных каменных плит) в плане был огромный крестовик церкви, которая на карте не имела названия, и я все никак не могла сообразить почему.

Я позвонила, мне открыли уже запертые на ночь ворота. Устроившись на месте, я вышла во внутренний двор. Каждые десять минут с единственного дерева — цветущей стройной магнолии — срывался сухой лист, и это был единственный звук, рассекающий тишину римской ночи,

которому внимали я и пристроившийся рядом со мною на лавочке сторож этого места — грустный внимательный кот.

В Трастевере

2 июня

В моем путеводителе по Риму написано, что 2 июня — единственный день, когда для осмотра простому люду открыты сады Квиринала. Это написано маленькими буквами в незаметном месте, поэтому я наивно полагала, что желающих посмотреть сады будет не так уж много: ведь 2 июня, в День Республики, в Риме проводится военный парад, зрелище, которое должно притянуть к себе толпы. А мне, не включившей телевизор 9 мая в Москве, смотреть еще один военный парад (пусть и в Риме) совсем не хотелось. Меня тянуло в сады, но намерению этому не суждено было сбыться...

От моей «Большой Медведицы» (так переводится «Орса Маджоре») до Тибра меньше двух минут пешком. Я вхожу на мост, иду мимо уже знакомого кенотафа в честь маленького мальчика (фотография, вложенные в пустоты ограды моста игрушки, цветы, всегда свежие, я помню о них с мая 2014-го). Потом все еще не завершенная стройка между набережной и виа Джулия, мощный бульжником переулочек Карчере, идя по которому я всегда вспоминаю, как Усов не советовал Архиппову писать Черубине, потому что она «ин карчере»*. Миновав церковь Санта-Лючия, перехожу улицу — и захожу впервые в Санта-Мария-ин-Валличелла (Chiesa nuova), где отличная копия «Снятия с Креста» Караваджо (а для рубенсовского алтаря, как почти для всего рубенсовского, у меня нет — еще нет? — точки восприятия).

Иду по левой (если идти от Тибра) стороне улицы Витторио Эммануэле II, взгляд случайно ловит прекрасную

* В тюрьме.

На виа Джулиа

мраморную скульптуру в лоджии одного палаццо (уже в Москве потом выясню, что позвала мой фотоаппарат римская копия Праксителя).

К площади Венеции и полицейских, и народу становится все больше, у алтаря Победы строятся военные в разных униформах, я иду мимо, но дорогу мне преграждает взвод кавалеристов — красивые красные мундиры, кокарды с золотыми шнурами и плюмажем, плавно и послушно выступающие лошади.

Я иду дальше, к Квириналу. За мной увязывается красивый и высокий негр. Заговаривает, я уточняю у него

Так выглядит «Похищение Прозерпины» Бернини (оно на вилле Боргезе) в моем исполнении. Почему-то, глядя на этот рисунок, я вспоминаю гениального Егунова: «Помните картину Репина „Не ждали“? Там в двери входит бывший арестант, вроде меня, возвращенный из ссылки. Я подобрал по размеру и на его место вклеил Лаокоона со змеями»

дорогу, к моему удивлению, он несколько кварталов идет рядом и болтает о том о сем. Я понадеялась на него, а он, оказывается, и сам не знает пути, зачем-то вывел меня к фонтану Треви, там полицейские подсказали, куда свернуть. Я говорю негру, что не понимаю, зачем он идет со мной так долго. «Ты красивая, и я тебя полюбил». — «Ну уж дудки, дальше я хочу идти одна». — «Давай хотя бы обнимемся на прощание». — «Нет, нет, прощай».

А вот и Квиринал. Совсем безлюдно, карабинер объясняет, что вход в сад откроется только в 15 часов, а сейчас 10. Поэтому я иду к своей любимой борроминиевской церкви Сан-Карло у Quattro fontane, чтобы после нее посетить палаццо Барберини. По дороге захожу и в церковь Сант-Андреа-аль-Квиринале Бернини. Золотой ее потолок, свет в ней.

Кассирша в палаццо Барберини объясняет, что сегодня из-за праздника в музее открыт только один этаж (какая связь? отгулы у зрителей? — не могу догадаться).

Я решаюсь: «Ничего страшного, мне хватит и одного», и как потом оказалось, этот редуцированный объем для первого посещения был как раз совершенно идеален. Еще один этаж меня бы раздавил. Я бы уж совершенно точно «восхищенья не снесла». А так — на все хватило сил.

Квентин Метсис. Хрестоматийный портрет Эразма Роттердамского (Наташа Громова потом, когда я показывала ей фотографии путешествия, глядя на него, сказала: «Опять Путин!» — а меня Бог спас от таких ассоциаций).

«Генрих VIII» Гольбейна — кажется, я помню его с шестого класса школы.

Изабелла Медичи (со знаком вопроса) неизвестного флорентийского мастера.

Капелла, расписанная нежнейшим Пьетро да Кортона. Удивительные фрески: первые шажки Иисуса-младенца от Марии к Иосифу. И Иосиф, и ослик — прекрасные, умиленные и умиляющие. Бронзовый ангел со скрипкой, его нога так же прекрасно обнажена, как у тех, что на мосту Святого Ангела. Пол с майоликовой плиткой. Счастливая семья Марии и Иосифа, рай на земле — вот что осмелился нарисовать Пьетро да Кортона.

Фламандский мастер «Купание Дианы и нимфы» — это же прообраз ивановского «Явления Христа народу»! Интересно, писали ли об этом? Сходство мотивов очевидное.

И — потрясающее «Крещение» Эль Греко. К нему подходила не меньше четырех раз, кружа по залам и возвращаясь, и каждый раз замечала новую деталь.

Стена с тремя портретами: Orazio Borgianni — мужчина с усами, наморщенным лбом и поднятыми глазами, Людовико Карраччи — портрет старой женщины (три восклицательных знака в моем блокнотике), Аннибале Карраччи: молодой мужчина.

Медитирующий св. Франциск Караваджо.

И мальчик с картами Bartolomeo Manfredi.

NB! Джулио Романо «Minerva rimprovera Cupido». (Тогда я, кажется, еще не знала, что Джулио Романо расписал

эротическими фресками целый зал в покоях папы из-за ссоры с ним, а гравер Маркантонио Раймонди сделал по ним гравюры, основой сюжетов были любовные сонеты Аретино.)

Пандора (!!!). Ничего, что у нее толстые руки и пальцы, они вполне гармонируют с кувшином (он же пресловутый «ящик»), и главное — приоткрытый рот, поднятая бровь, приподнятая нога и развевающиеся покрывала, розовое и прозрачное. Мгновение, когда уже понимает, что натворила, но не может не открывать дальше...

И опять Эль Греко. Кажется, что Иоанн Креститель шестипалый. Потом подойду в третий раз и пойму: нет.

Sodoma, «Похищение сабинянок» на фоне замка святого Ангела (!). Девушки картинно страдают («Эти сабинянки всегда так, не только у Содома», — сказала мне потом Рива) — не то что в сиенском Дуомо: подлинные страсти в избиении младенцев. А его же «Мистическое обручение святой Екатерины» — почти леонардовское по неуловимости. Очень большой мастер. И такие разные манеры в разных полотнах.

Доменико Беккафуми — мадонна с младенцем. Очень статуарная. Станный сосок. Удивительный младенец: смотрит внутрь себя, а св. Иоанн — тоже младенец — на нас, с хитрецей.

Girolamo Genga — Мария держит мальчика, как бы выводит его из класса.

Callisto Piazza — Екатерина Александрийская с гвоздикой. Очень чувственная, розовый и красный.

Dosso Dossi «Святые Иоанн и Варфоломей» — прекрасные лица, и... никто эту траву так не рисовал.

Тинторетто. «Cristo e l'adultera» (все ее осуждают, оглядываются, кто же бросит камень...).

Тициан. «Венера уговаривает Адониса вернуться домой».

Опять Эль Греко. Теперь увидела крыло у ангела вверху, повернуто как острая круглая бритва, на нас, поэтому нарисовано одной линией, и это невероятно! И ноги! Правая

занесена, левая вбок. И непонятно, куда смотрит Бог Отец: налево вверх на ангела или вниз на крещение? Должно быть, конечно, второе. Но уверенности нет. Все летит.

Десять минут полежать под пальмой во двореке, чтобы перевести дух, и мне надо бежать на Corso, на встречу с Ривой. Мы условились с ней вместе осмотреть галерею Дориа-Памфили. Как я ни старалась, опоздала. Рива великодушно согласилась рассказать мне о своем новом римском житье во двореке перед входом в галерею, чтобы я перевела дух. В моей записной книжечке, видимо от ее рассказа, осталась запись: Иван Грозный, «Лютор же лют».

Галерея полна самых разных чудес, но подписей под картинами нет, есть только те, что в рамках и достаёт роста, чтобы различить буквы. Поэтому радовались, что мы тут вдвоем: вместе не так грустно ощущать свою небольшую насмотренность и просвещенность, а иногда выручала обоюдная наблюдательность или эрудиция товарища. Однако в моей записной книжке осталась смешная каша вопросов и догадок, которые теперь я уже почти не понимаю сама: «Филиппо д'Анжели. Красное. Сюжет?», «Андромеда. Без Персея?!!»

И вполне четкое: «Аннибале Карраччи. Сусанна и старцы. Первый говорит: „Тихо!“ Второй целеустремленно перелезает через перила», «Тинторетто. Портрет молодого мужчины. Похож на Курилкина».

Мемлинг «Снятие с креста». Лоренцо Лотто «Иероним на коленях перед крестом». «Благовещение» Ф. Липпи.

Риве нравилось находить на картинах диковинных зверюшек. Имеющийся здесь в изобилии Ян Брейгель запечатлел на своих полотнах целый зоопарк. Это у него пейзаж вдали, а на переднем плане берег и все морепродукты, которые можно вообразить?

У меня были силы смотреть и пересматривать еще и еще, но Рива проголодалась, и мы через некоторое время отправились закусить в маленький бар на Корсо. Тем временем уже наступили заветные три часа, и Рива решила

проводить меня до садов. За квартал до входа я поняла, что мой план несбыточен — почти на километр растянулась очередь таких же прилежных читателей путеводителей, как и я, желающих попасть в эти государственные римские сады. В утешенье мы решили сделать фото на память, Рива пристроилась в очередь, я ее сфотографировала, и мы разошлись.

Я хотела посмотреть знаменитый берниниевский экстаз святой Терезы, о котором читала так много всяких судачеств, и добрела до церкви Санта-Мария-делла-Виттория. Не думала, что настолько впечатлюсь. Удивительна свобода, с которой все окружающее Терезу пространство вовлечено в созерцание происходящего с ней. Обманки с мраморными балкончиками по бокам от Терезы, на которых разместились не сводящие с нее глаз святые очевидцы. Ее воодушевление передалось им, а их — нам. Над ней — витражи в облаках, покрывающих фрески. Мрамор, с легкостью переходящий в картон. Дерзость фантазии свободного человека, не останавливающейся ни перед чем. Фотографировать было бессмысленно, фотографии ничего не могут передать, это надо видеть. Играл орган, дополняя зрительные впечатления.

Я подняла голову и прочитала надпись на потолке: *potens in praelio**.

В алтарной части — фреска с какими-то военными, лошадами, башней. Отчего? Почему?

На потолке: Страшный суд. Но в ад низвергаются люди с книгами в руках. Как же так?*

Потом церковь Сан-Бернардо-алле-Терме. Круглый купол. Простота.

Потом шла к площади Испании и от нее к Корсо и площади Навона. По дороге заходила в борроминиевскую

* Сильный в битве (лат.).

** А теперь знаю: это протестанты. Церковь была посвящена победе католиков над чехами-протестантами в битве на Белой горе под Прагой (1620).

Сант-Андреа-делле-Фратте, где два ангела Бернини, но я была уже совсем без сил, и потом в Сантиссима Тринита, там шла молитва, а я только переводила дух. (Забыла написать: весь день 30-градусная жара, солнце.) Но когда я вышла из Сант-Андреа, я увидела это творение Борромини: кирпичные стены и белая колокольня со скульптурой наверху, удивительная: танцующие линии фасада.

По дороге мне попался супермаркет, и я купила рикотты и абрикосов на ужин. Вечер на Навона всегда хорош, но бедные мои ноги уже гудели, хотелось в отель, в кровать.

Первую половину дня 3 июня я решила посвятить прогулкам по Трастевере. Зашла в церковь, о которой в путеводителе сказано «незначительное творение Борромини», — с картонными ангелами в нишах, как бы берниниевскими, овальным стеклянным окном в двери, отделяющей саму церковь от отеля и ресторана с внутренним двориком, составляющими с церковью единое здание. В это окно вполне можно наблюдать за молением в церкви, не заходя в нее.

Потом — на улице Гарибальди — цветущая липа. Первая для меня в этом году. Запах цветущей липы — мой любимый, и сейчас, 31 июля, когда я, слушая «бурноподного Эола», проливной и затяжной эстонский дождь, переносу записи из бумажного блокнотика в компьютер, я уже знаю, что в этом году мне особенно повезло: мне было дано услышать запах цветущих лип трижды: сначала в Италии, потом — в конце июня в Москве, потом — в середине июля в Царском Селе.

Вверх и вниз по лестницам.

Санта-Мария-ин-Трастевере. Здесь я уже была в прошлом году. Левая мозаика: Мария родилась, и ее собираются купать, служанка проверяет ладонью температуру воды. Так делали и моя мама, и моя бабушка. На самом верху — крылатый лев Марка с книгой. Человек Матфея. Орел Иоанна. Вол Луки. Но с крыльями — все!